

Николай Леонов

Агония

Часть сборника
Наркомафия. Агония (сборник)

Николай Иванович Леонов

АГОНИЯ

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140958
Наркомафия. Агония: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 5-04-005975-2, 5-04-006008-4

Аннотация

К сыщику Мелентьеву поступают данные, что уголовник-рецидивист Корень собирается ограбить один из московских банков. Для предотвращения этого преступления МУР хочет внедрить в преступную среду своего человека...

Книга также вышла под другим названием: «Один и без оружия».

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	23
Глава третья	37
Глава четвертая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Николай Леонов

Агония

Глава первая

Скованные одной цепью

Начался сентябрь, но солнце палило нещадно, и Москва походила на Ялту в июле. На бульварном кольце деревья опустили пожелтые листья, пыль покрывала тротуары и булыжные мостовые. Люди старались на улицу не выходить и, затаившись в квартирах и учреждениях, бессильно обмахивались газетами и безрассудно пили теплую воду. Редкие прохожие перебежали залитую солнцем мостовую, будто она простреливалась, жались к стенам в поисках тени. Извозчики дремали в пролетках, лошади, широко расставив ноги, спали, не в силах взмахнуть хвостами и прогнать ленивых мух. Даже совбур, которому в эти годы нэпа надо было ловить счастливые мгновения, откладывал дела на вечер и ночь, а днем отсыпался.

Около трех часов, когда асфальт начал пузыриться ожогами, а тени съежились, в городе появился ветерок. Порой останавливаясь в нерешительности, он прошелся по городу, шмыгнул в подворотни, затаился, выскочил уже уверенный и

нахальный, бумажно зашелестел листвою деревьев, на круглых тумбах дернул заскорузлые афиши и погнал по булыжной мостовой застоявшуюся пыль.

В это время по безлюдному переулку тяжело шагали трое мужчин. Двое, прижимаясь плечами друг к другу, шли под ручку, третий, в промокшей от пота гимнастерке, с раскаленной кобурой на боку, держался на шаг позади. Идущие под руку выглядели странно. Один в скромной пиджачной паре, в сапогах с обрезанными голенищами. Второй в смокинге и крахмальной манишке, в лакированных штиблетах. Первый был смуглолиц, волосы короткие, черные и блестящие, скулы широкие, глаза под густыми бровями чуть раскосые, и не было ничего странного в том, что он носил кличку – Хан. Его спутник выглядел моложе, хотя они были одногодки – ровесники века, выше среднего роста, так же сух, жилист и широкоплеч, но белобрыс и голубоглаз, с девичьим, даже сквозь пыль проступающим, румянцем. И кличку его – Сынок – придумал человек неостроумный.

– Что решил? – спросил он, облизнув рассеченную губу.

– На мокрое не пойду, – выдохнул Хан, глядя под ноги.

– На своих двоих в академию, к дяде на поруки? – Сынок поднял голову, взглянул на выцветшее небо, по которому на город напозла туча.

– У него же власть на боку, – имея в виду конвоира, ответил Хан. – Позови его.

Сынок остановился, достал из кармана папиросу и, доб-

родушно улыбнувшись, сказал:

– Начальник, дай огоньку.

– Почему не дать? – Советуюсь сам с собой, конвоир пожал плечами, похлопал по карманам, достал коробок.

Сынок нагнулся, прикуривая, а Хан ударил конвойного кулаком по голове, будто прихлопнул. Тот взглянул недоуменно, упал на колени, затем безвольно свалился на бок.

Сынок и Хан, тесно прижимаясь друг к другу, бросились в проходной двор, и в переулке стало пусто, лишь конвойный лежал на боку, будто пьяный, и ветер припорошивал его пылью. Туча ползла, погромыхая, несла с собой тьму, как бы пытаясь скрыть происшедшее в переулке. Ветер притих. Одиночные капли ударили по мостовой. Конвойный сел, держась за голову, потом с трудом поднялся, оглянулся.

Дождь упал отвесный, прямой, мгновенно вымыл дома, ручьями ринулся вдоль тротуаров, все шире разливаясь по мостовой. Потоп, обрушившийся на Трубную, начинался где-то на улице Воровского. Здесь, у аристократического особняка, воды было еще немного, она медленно наплывала на Арбатскую площадь, где соединялась с ручейками, спускаясь с Гоголевского бульвара, и уже речкой направлялась по трамвайной линии «А», которую москвичи звали «Аннушкой». У Никитских ворот образовалось озеро, оно стекало по Тверскому бульвару, мимо Горсуда, у памятника Пушкину раздваивалось, часть воды уходила направо по Тверской, а основной поток продолжал бег по рельсам

«Аннушки», пересекал Петровку и выливался на Трубную площадь. Здесь путь ему преграждал вздыбившийся горбом Рождественский бульвар, который сюда же сливал воду, накопленную на Сретенке. Трубная оказалась на дне моря.

– И настал конец света, – сказал Сынок философски, глядя на затопленный до подножки трамвай и накренившуюся набок и готовую вот-вот упасть афишную тумбу.

Беглецы сидели в небольшой закуской, двери которой распахнул нэп. Обычно полупустая, сейчас она была набита мокрой и шумной публикой. Люди, ничего не евшие в жару, жадно уничтожали сосиски и пиво. Хан и Сынок, попавшие сюда одними из первых, оказались зажатыми в самый дальний угол, у окна. Было душно и сыро, как в предбаннике, никто не обращал внимания на смокинг Сынка и обтрепанный пиджачок его соседа. Правая рука одного была пристегнута к левой руке другого стальными наручниками. Скованные руки беглецы, естественно, держали под столом. Хан смотрел на окружающих угрюмо и настороженно, Сынок же, улыбаясь, зыркал голубыми глазами и по-детски шмыгал носом.

– Простудился, вот незадача, – сказал он весело, ткнул своей кружкой в кружку соседа. – Тебя как звать-то? Мы ведь теперь братья, даже ближе, – он дернул под столом рукой, натянул цепь.

– Хан.

– Батый? – Сынок подмигнул. – Видать, что ты косоглазому татарину родственничек. Видать, твоя какая-то бабка

приглянулась татарчонку. – Он говорил быстро, блеснул белыми зубами, глаза его, только что наивные и дурашливые, изучали соседа внимательно, чуть ли не царапали, пытаюсь заглянуть человеку внутрь.

Сынок неожиданно отставил кружку, распахнул Хану ворот рубашки, потянул за цепочку, вытащил крестик.

– Хан, Хан, – повторил он, – а крестили как?

– Степаном, – Хан медленно улыбнулся, и лицо его просветлело, на щеке образовалась ямочка. – Один я в роду такой чернявый, батя и братья вроде тебя.

– А меня Николаем окрестили, среди своих Сыном кличут, – радостно сообщил Сынок, однако взгляда цепкого не опускал, разглядывал Степана внимательно и был осмотром явно недоволен. – Значится, Степан и Николай. Два брата акробата. Тебя что же, Степа, взяли от сохи на время?

– Что? – спросил Хан.

– По-свойски не кумекаешь? Я спрашиваю, мол, случайно погорел, не деловой? – Сынок выпил пиво, отставил пустую кружку.

Хан не ответил, лишь плечами пожал, разгрыз сушку, тоже допил пиво и спросил:

– Как расплачиваться будем? У меня в участке последний целковый отобрали.

– Это беда так беда. – Сынок взял со стола вилку. – Придержи полу клифта. – Подпарывая полу, говорил: – Последнее только ты, Хан, от широты души отдать можешь. – Он

справился с подкладкой и положил на стол два червонца, деньги по тем временам солидные. – А вот как мы браслетики съедем?

Хан осмотрел вилку и сказал:

– Придержи, деловой.

Сынок держал вилку, а Хан начал откручивать у нее зубец, именно откручивать, будто тот и не был железным.

– Пальчики у тебя вроде стальные, – глядя на манипуляции Хана, восхищенно сказал Сынок.

– Соху потаскаешь, обвыкнешься, – Хан отломал зубец и согнул об стол в крючок, затем опустил руку под стол и вставил крючок в замок наручника.

Глядя в потолок и шевеля губами, будто читая там какие-то заклинания, Хан через несколько минут вздохнул облегченно и положил на стол свободные руки. Потирая натруженную кисть, он посмотрел в окно и сказал:

– А вот и распогодилось.

Дождь действительно кончился, просветлело. Публика потянулась к дверям, некоторые разувались, подворачивали брюки. Хан поднялся, взял со стола червонец, другой подвинул Сынку и сказал:

– Бывай, – и шагнул к выходу. Сынок схватил его за рукав.

– А я? Кореша бросаешь, подлюга? – Он брякнул цепью наручника, который охватывал его руку.

– Сунь в карман и топай себе, дружки тебе бранзулетку снимут, – равнодушно ответил Хан. – Ты деловой, а я от со-

хи, нам не по дороге.

– Тебе лучше остаться, – медленно, растягивая слова, сказал Сынок.

– Не пугай, – Хан улыбнулся, лицо его вновь просветлело, но глаза были нехорошие, смотрели равнодушно.

Сынок его отпустил, взял со стола крючок, сделанный из вилки, и сказал:

– Я к тебе предложение имею. Сядь. – Он ударил кружкой по столу и, когда мальчишка-половой подбежал, сказал: – Подотри и принеси, что там из отравы имеется.

Мальчишка фартуком вытер осклизлый стол, забрал пустые кружки и исчез. Хан взял крючок, опустил руки под стол, звякнул металлом и положил наручники Сынку на колени.

– Прибереги на память, деловой.

– Ты памятливей, – Сынок спрятал наручники в карман. – Не простой ты, мальчонка, совсем не простой. – Он рассмеялся.

Хан тоже улыбнулся.

– Простых либо схоронили, либо посадили... – Он замолчал, так как подошел хозяин заведения, который, поклонившись, спросил:

– Желаете покушать, господа хорошие? – Он протер и без того чистый стол. – У нас не ресторация, но по-домашнему накормим отлично-с.

Закусочная опустела, лишь за столиком у двери пил пиво

какой-то оборванец. Смокинг Сынка внушал хозяйчику уважение, и он смотрел на молодого человека подобострастно.

– Колбаса изготовлена по специальному рецепту, можно с лучком пожарить, грибочки, огурчики из подпола доставим-с...

– «Смирновская» имеется? – перебил Сынок и, поняв, что имеется, продолжал: – Корми, недорезанный, – он рассмеялся собственной остроте. – Да не обижайся, мы с тобой элемент чуждый, на свободе временно. Вот кучера собственного встретил, – Сынок указал на Хана. – Раньше-то он дальше кухни шагнуть не смел, теперь за одним столом сидим. Мы сейчас все у общего корыта, все равны.

Хозяин склонился еще ниже и доверительно зашептал:

– Этого, простите, никогда не будет. Можно у одного отнять, другому отдать. Так все равно-с, простите, один будет бедный, другой богатый.

Николай-Сынок взглянул на хозяйчика лукаво и спросил:

– А если поделить?

– На всех не хватит, – убежденно ответил хозяин. – Больно человек жаден, ему очень много надобно, – и развел руками, показывая, как много надо жадному человеку.

Хан, сидевший все это время неподвижно, глянул на хозяина недобро, покосился на Сынка:

– Так что, барин, есть будем или разговаривать?

– Ишь, – Сынок покачал головой, – пролетариат свой кусок требует. Неси, любезный, и... – он кивнул в сторону две-

ри, у которой сидел оборванец, – не сочти за труд.

– Сей минут, в лучшем виде, – хозяйчик поклонился, подбежал к оборванцу, забрал пустую кружку, что-то зашептал сердито. Оборванец поддернул штаны, смачно сплюнул и, насвистывая, вышел на улицу. Остановился у стоявшего неподалеку от закуской извозчика.

– Эй, ямщик, гони-ка к «Яру»!

Извозчик взглянул на рваную тельняшку, чумазое лицо и нечесанные волосы и отвернулся.

– «Я ушел, и мои плечики скрылися в какой-то тьме». Счастье свое не проспи, ямщик. – Оборванец вновь поддернул штаны и направился в сторону Тверской, свернул в Гнездииковский, вошел в здание Московского уголовного розыска, который большая часть москвичей называла МУ-Ром, а меньшая – «конторой». Здесь оборванец зашел в один из кабинетов, где за огромным столом сидел солидный, уже пожилой мужчина в пенсне.

– Разрешите войти, товарищ субинспектор? – оборванец щелкнул каблуками.

– Вы уже вошли, Пигалев, – Мелентьев снял пенсне и начал протирать его белоснежным платком.

Агент третьего класса Семен Пигалев работал в уголовном розыске уже пятый месяц и мог быть самым счастливым человеком на свете, если бы не фамилия, к которой редкий человек мог остаться равнодушным.

Субинспектор Мелентьев никогда не позволял себе шуток

по этому поводу, произносил фамилию Семена уважительно, без ухмылочек и многозначительного подмигивания. Семен взглянул на него с благодарностью и доложил:

– Объекты, – Пигалева хлебом не корми, дай ввернуть ученое слово, – ушли от конвоя, дождь переждали в закуской на Трубной, заказали обед. Я оставил там Серегу Ткачева, велел глаз не спускать.

Мелентьев и бровью не повел, хотя знал, что кучером в пролетке сидел агент первого класса, работающий в угро шестой год и, не в пример Пигалеву, человек опытный.

– Благодарю вас, Пигалев. Приведите себя в порядок и доложите Воронцову.

– Слушаюсь, – Пигалев распахнул дверь и чуть не столкнулся с входящим в кабинет сотрудником, который в форме рядового милиционера час назад конвоировал Сынка и Хана.

– Как здоровье, Василий? – с издевкой шепнул Пигалев. – Головушка бобо?

Василий Черняк, среднего роста, с выправкой кадрового военного, перетянутый ремнями, с влажными после мытья волосами, взглянул на Пигалева недоуменно и развел руками, как бы говоря: совсем обнаглел, братец. Семен понял товарища и поспешил убраться, а Черняк вошел в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь, сказал возмущенно:

– Мы так не договаривались, Иван Иванович! Я боевой командир Красной Армии, орденосец!

Мелентьев надел сверкающее пенсне, оттянул пальцем крахмальный воротничок и вздохнул.

– У меня сын недавно родился. – Черняк осторожно дотронулся ладонями до головы, казалось, он сейчас ее снимет и поставит перед субинспектором, как вещественное доказательство творящихся безобразий. – Сын, Иван Иванович! Он маленький, ему отец нужен, даже необходим.

– И чем же это вас? – поинтересовался Мелентьев, пенсне надежно скрывало его смеющиеся глаза, а тон был участлив безукоризненно.

– Чем-чем, – смутился Черняк, – кулаком! Меня в девятнадцатом один беляк рукояткой нагана шарахнул, я качнулся, и только. А тут...

– Возраст, батенька, – Мелентьев указал на стул. – Как я понимаю, вас ударили. Кто именно?

– Чернявый, как молотком...

– Так-с, – Мелентьев смотрел испытующе. – Значит, Хан сбил вас с ног и преступники скрылись?

– Вы сказали: в случае побега стрелять только в воздух, что бить будут – разговора не было. – Черняк хотел покачать головой, но не решился: в виске тихонечко покалывало.

– Упустили, значит, – Мелентьев покачал головой, – случается, на первый раз оставим без последствий. Надеюсь, в дальнейшем, Василий Петрович...

Черняк медленно поднялся, дважды открыл и закрыл рот, наконец, поборов возмущение, сказал:

– Что же это? Как же такое получается? Нет, – он прижал руки к груди, – вы не говорили, что побег будет точно, но я так понял.

– И совершенно напрасно, уважаемый Василий Петрович. – Мелентьев встал и вышел из-за стола, давая понять, что разговор окончен. – Мы не для того задерживаем преступников, чтобы вы их отпускали.

– Бросьте, – Черняк махнул рукой и сел на стуле удобнее. – А чего это меня в конвойные определили? И Сенька Пигалев, что вышел от вас, вчера мне калякал... который из беглецов наш-то?

– Товарищ Черняк, – прервал его Мелентьев, выглянул в коридор и громко сказал: – Пигалева к Старикку! Срочно! – Он отлично знал, что его за глаза называют в розыске Стариком.

Мелентьев прошелся по кабинету, остановился около Черняка и молча на него смотрел до тех пор, пока молодой сотрудник не догадался встать. «Который из беглецов наш-то?» – вспомнил Мелентьев, и ворот крахмальной рубашки стал ему тесен. Раньше, в сыскном, не то что такой вопрос задать, даже намекнуть начальству, мол, догадываюсь кое о чем, никто не посмел бы. Мелентьев взглянул на молча стоявшего Черняка безразлично, позвонил заместителю начальника отдела по борьбе с бандитизмом МУРа.

Начальник Мелентьева Воронцов был из матросов, рабо-

тал в уголовном розыске с двадцатого года, Мелентьев же занимался сыском уже четверть века, и Воронцов этого не забывал. Он учился у опытного сыщика азбуке розыскного дела, порой был ему лучшим другом, а когда происходил очередной конфликт, бывший матрос старался с Мелентьевым не встречаться и не разговаривал с ним неделями. Затем все возвращалось на круги своя, и Воронцов прятался от подчиненных и начальников в этом кабинете, слушал, как субинспектор ведет допросы или просто беседует по душам с каким-нибудь старым уголовником. Мелентьев относился к Воронцову ровно, в периоды дружбы чуть иронически, во время ссор подчеркнуто официально.

Вчера, когда уточнялись детали предстоящей операции, Воронцов с Мелентьевым во мнениях не сошлись, бывший матрос кричал, а бывший царский сыщик, как обычно, молча смотрел в окно. Из Петрограда в МУР поступили данные, что в Москве в ближайшие дни готовится ограбление банка и проходит по сообщениям рецидивист-медвежатник по кличке Корень.

– Где готовится ограбление? Когда? – выложив Мелентьеву суть дела, спросил Воронцов. – Ты, субинспектор, главная наша мозга, думай.

– Ввести сотрудника в уголовную среду, – ответил Мелентьев. – Попросить человека из Петрограда, чтобы его наша клиентура не знала, легендировать и ввести в среду. Надо искать Корня. Я его знаю, серьезный гражданин.

– В Питер я даже обращаться не буду. Стыдно! – Воронцов погрозил пальцем, потом загнул его – такова была его обычная манера счета. – Кто такой Корень? Где его искать? – Он загнул еще два пальца, затем распрямил пятерню, хлопнул по ней другой и начал потирать руки. Все это означало, что счет Воронцов окончил.

Константин Николаевич Воронцов был роста среднего, в плечах неширок, но фигурой крепок, волосы стриг коротко, был широкоскул, сероглаз, нос у него торчал бульбочкой. Одевался Воронцов просто: шевиотовый костюм неопределенного возраста, рубашка маркизетовая, из-под которой даже в немыслимую жару торчала тельняшка, брюки заправлял в сапоги, и походил заместитель начальника отдела МУРа на уголовника средней руки. Воронцов за двадцать пять лет окончил семь классов гимназии, получил контузию, один орден, три ранения. Он был от природы упрям, стеснителен и влюбчив, а прожив четверть века, был неразумно смел, в меру умен и неприлично честен. О всех перечисленных качествах начальника Мелентьев прекрасно знал. Если Воронцов от стеснительности хамил – терпел, а когда при встречах с машинисткой отдела Зиной краснел, старый сыщик снимал пенсне, протирал его тщательно.

Пять лет назад, потряхивая чубом и натягивая на груди тельняшку, Воронцов пришел в уголовный розыск и обратился к субинспектору на «ты» с таким подтекстом: не бойся, сразу не расстреляю, может, ты полезный. Мелентьев со-

гласился: «Возможно, я и полезный, вы со временем разберетесь, молодой человек». Отношения их с тех пор изменились, а «ты» и «вы» остались на своих местах. Изредка, когда они вдвоем пили чай или, ожидая важного донесения, играли в шашки, Воронцов тоскливо говорил:

– Иван, давай на «ты»? А?

Мелентьев молчал и улыбался либо пожимал плечами. Воронцов тут же взрывался:

– Не желаешь? И черт с тобой! Выкай до гробовой доски. – Остыв мгновенно, заканчивал: – Вот убьют меня твои бандюги, пожалеешь, да поздно будет.

Почему-то Воронцов считал всех воров и бандитов чуть ли не друзьями субинспектора. Возможно, оттого, что каждый задержанный если и не знал Мелентьева лично, то обязательно слышал о нем или находился у них общий знакомый.

– Так кто такой Корень? – спросил Воронцов.

– Долго рассказывать, Константин Николаевич, – ответил Мелентьев. – Однако если полученные данные верны и Корень в Москве, то нас ждут, мягко выражаясь, неприятности.

Старый уголовник и рецидивист, о котором шла речь, имел несметное количество фамилий, имен и кличек. Досье его еле умещалось в пяти папках и было уничтожено в феврале семнадцатого. Он освободился вчистую, имея документы на имя Корнеева Корнея Корнеевича, видимо, придумав себе фамилию, имя и отчество от последней клички – Ко-

рень. В Москву не приехал, в Одессе, Киеве, Ростове, других больших городах тоже не появился, и где находится в настоящее время Корнеев, никто не знал.

Мелентьев сам выбрал сотрудника, взял его из района, чтобы хоть центральный аппарат не знал человека в лицо, сам проинструктировал и разработал легенду, наконец вчера сообщил, что все готово.

– Ну давай посидим, уточним, обмозгуем, – сказал Воронцов. – Хочу взглянуть на твоего протеже, – и, гордясь выученным словом, усмехнулся.

– Протеже произносится через «э», Константин Николаевич. Если вы настаиваете, пожалуйста. Я вас сведу, но полагаю, это лишнее, – ответил Мелентьев.

Тут и разразился скандал. Воронцов и Мелентьев говорили на разных языках, что было понятно одному, другому было непонятно совершенно.

Воронцов не сомневался – каждый участник предстоящей операции должен знать о ней все, понимать ее важность и значение, конечную цель. Тогда человек не тупой исполнитель чужой воли, а работник творческий, вдохновленный идеей, знающий начало и конец операции, он способен внести в нее необходимые коррективы на ходу. Ум хорошо, а два лучше. Коллегиальность в таких делах – главное. И доверие. Человеку необходимо доверять, тогда он, гордый, за идею и на смерть пойдет.

Мелентьев полагал, что чем меньше знаешь, тем труд-

нее проговориться или наделать глупостей, и вообще лучше обойтись без смерти.

– Лишнее? – кипятился Воронцов. – Ты считаешь, что знать, кого ты посылаешь к бандитам, для меня лишнее? Или ты, – он ткнул Мелентьева пальцем в грудь, – мне, – он расправил плечи, – не доверяешь?

Мелентьев отличался завидным терпением, он выдержал паузу, когда Воронцов начал нехорошо бледнеть, спросил:

– Константин Николаевич, вы мне доверяете?

– Доверяю! Вот я тебе – доверяю!

– Благодарю, у вас маузер барахлит, давайте почию.

– Чего выдумал, именно оружие увечить.

– Серьезно? – Мелентьев смотрел участливо. – Вы не бойтесь, что я вам динамит в ствол засуну, бойтесь, поломаю от неумелости своей?

– Так-так, с подходцем, значит, – протянул Воронцов. – Ни шиша я, значит, в работе не петрю. Ясенько. Договорились.

Не найдя нужных слов, он смешался, махнул рукой и вышел.

За последние годы Воронцов в работе поднаторел, и Мелентьев лучше, чем кто-либо, знал это. Он перегнул умышленно, пусть Костя, так субинспектор про себя называл Воронцова, разозлится, ввод сотрудника в среду уголовников – дело опасное. Казалось, все предусмотрел Мелентьев, и вот

Черняк и даже Пигалев о чем-то догадываются. А может, знают?

Воронцов и Пигалев вошли в кабинет одновременно.

– Вызывали? – неожиданно обращаясь на «вы», Воронцов молодежато щелкнул каблуками и вытянулся.

Пигалев и Черняк переглянулись: может, перестановка произошла и Старика начальником назначили?

– Извините, что нарушаю субординацию, Константин Николаевич, и побеспокоил вас, – сказал Мелентьев. – История произошла неприятная. Товарищ Черняк конвоировал двух арестованных, которые его сбили с ног и скрылись.

– Так в чем дело? – Воронцов привычным жестом пригладил непокорный вихор. – Они должны были бежать или нет?

– Я предполагал, что побег будет организован с воли, мне нужны были их связи, – Мелентьев лгал так убедительно, что даже Воронцов ему начинал верить. – Черняка подстраховали и уголовников не упустили. Но уж раз они на воле, с арестом повременим, интересно, куда они направятся. Дело в другом, уважаемый Константин Николаевич. Оказывается, один из бежавших – наш сотрудник. Что это получается? Проводится такая серьезная операция, а субинспектор Мелентьев не в курсе дела? Как мне вас понимать? Мне не доверяют?

– Какой сотрудник? Кто такое придумал? – спросил Воронцов.

– Товарищи утверждают, – Мелентьев кивнул на Черняка и Пигалева.

– Ничего я не утверждаю, Иван Иванович, – плаксиво заговорил Черняк, болезненно морщась.

– Идите, – Воронцов отпустил сотрудников. Когда они вышли, резко сказал: – Досекретничались, Иван Иванович. Пигалев и Черняк друзья, вам, товарищ субинспектор, такое знать следует. Вы Черняка ставите конвоировать, а Пигалева – за бежавшими наблюдать и надеетесь, что они не поймут, в чем дело?

– У меня других сотрудников нет, – Мелентьев вздохнул.

– Из-за чего сыр-бор разгорелся? – перебил Воронцов. – Кто-то где-то сказал, что какой-то Корень собрался банк взять... Он собрался, а мы все дрожим...

– Вы знаете, кто есть рецидивист, над которым вы изволите подшучивать?

Глава вторая

Уголовник-рецидивист по кличке Корень

Субинспектор Иван Иванович Мелентьев встретился с Корнем четверть века назад. Москва только отпраздновала начало двадцатого века, Мелентьева звали просто Иваном, служил он в уголовной полиции в отделе по борьбе с ворами, орудующими на улице, в магазинах, у театров. Московское мелкое жулье и многие деловые гастролеры Мелентьева хорошо знали, однако все равно попадались. Арестованные на него зла не держали, так как был он в работе справедлив и мзду не брал. Повязав с поличным, не издевался, не бил; встретившись с деловыми случайно на улице либо, скажем, в ресторации, на поклоны отвечал, мог и поговорить с человеком, и рюмочку выпить, профессией не попрекал, в душу не лез. В общем, был сыщик Иван Мелентьев у своих клиентов в авторитете, его по-своему уважали, однако встречи с ним, естественно, никто не искал.

Новый век для московской уголовной полиции начался тяжело. Первым вспороли сейф в ювелирном магазине на Тверской, против Брюсовского переулка. Затем как грецкие орехи раскололись сейфы помельче: на механическом заводе в Садовниках, в мебельном магазине Петрова на Боль-

шой Дмитровке, в конторе металлосиндиката на Мясницкой. Стало ясно, что работают серьезные медвежатники, но у Ивана Мелентьева голова от этих дел не болела, его подопечные сейфов не потрошили, в худшем случае ширмач-техник карман взрежет у заезжего купца, ну капелла мошенников-фармазонщиков продаст какой-нибудь мешаночке ограниченное стекло каратов в десять.

Но вот вспороли знаменитый патентованный сейф Сан-Галли в Центральном банке, убив при этом сторожа и двух чинов наружной службы. Сто пятьдесят тысяч радужными «катеньками» вылетели из государственной казны на волю и скрылись в неизвестном направлении.

«Найти! Разыскать немедленно!» – разнеслась команда по департаменту полиции. Сыщики уголовной полиции взялись за дело серьезно. Не потому, что, срывая голос, кричал в кабинете с мягким ковром и всегда зашторенными окнами директор. И потеря государевой казной ста пятидесяти тысяч не расстроила сыщиков, и зла они против воров не имели – труд у них опасный и малоодоходный. Вор – человек по-своему полезный, так как на весах общества на другой стороне стоит, а чтобы равновесие поддерживать, на этой стороне сыщиков надо держать, зарплату им исправно платить, пусть и не большую, но и не маленькую.

Сыщики взялись за дело на совесть потому, что убили двух их товарищей. Убили, не отстреливаясь, когда от страха нутро дрожит и глаза в холодном поту плавают, убили не в

схватке за свою свободу и жизнь, такое и раньше случалось. Убили расчетливо, спокойно зарезали, как режут скотину к празднику, заранее взвесив и подсчитав, сколько понадобится, чтобы насытиться до отвала.

Такое убийство товарищей сыщики прощать не могли. Найти и повесить, чтобы все уголовники видели: ты бежишь, я догоняю – одно, я хватаю, ты защищаешься – другое, а убивать спокойненько, с заранее обдуманном намерением – такого не позволим. И затрещали двери воровских притонов, которые оберегали сыщики, как последнюю лучину, – мало ли кто нужный зайдет на огонек. И в квартирах рангом повыше побледнели, внешне благопристойные мужи-содержатели крестились, приговаривая: «Сохрани, святая богородица! Сколько лет дружим, господин начальник, сколько душ вам отдал! Неужто замятовали?»

«Кто? Кто? Отдайте, и мы вернем вам покой! Отдайте!» И в дорогих притонах летели на пол карты, золото и серебряные блюда, рвались с треском шелка. Здесь били для страха.

«Кто? Кто? Отдайте!» И в сером, еле угадывающемся расвете сапоги били под ребра, срывали одурманенных водкой и марафетом людей с кроватей, тащили в участок. Здесь били серьезно.

«Кто?» Даже в Английском клубе слышали этот шепот. Здесь не ломали, не опрокидывали столов, не рвали шелка и уж, конечно, не били. Но двое фрачников с иностранным выговором, которые вели всю зиму крупную игру, исчезли,

через несколько дней вернулись побледневшие и задумчивые, и один из них по рассеянности даже сдал хорошую карту соседу.

Уголовный мир убийц не отдавал – то ли страх перед ним был сильнее страха перед полицией, либо не знали уголовники медвежатников, которые так легко пошли на мокрое. Розыск не прекращался, вели его опытейшие криминалисты, уголовная полиция трясла свою агентуру, уведомили коллег в Вене, Париже, Берлине и в других столицах Европы. А вышел на преступников никому тогда не известный низший чин наружной службы Иван Мелентьев.

Началось все с того, что светлым мартовским днем Иван Мелентьев на Тверской, в булочной у Филиппова, съел пятачковый пирог с мясом и, думая о нелегкой своей сыщицкой доле, держась к домам поближе, чтобы не обрызгали извозчики, двинулся вниз, к Столешникову.

Александр Худяков по кличке Сашенька был артист-техник и в былые времена легко брал задний карман брюк у человека, одетого в пальто. Уже два года, как Сашенька завязал, обзавелся гнедым рысаком, и вечерами Мелентьев видел Сашеньку на козлах шикарного выезда у театров и дорогих трактиров. Еще было известно, что Сашенька женился.

Мелентьев заметил Сашеньку, когда тот двигался по Пассажу, придерживая под локоток такую же, как он сам, маленькую женщину. Она шла тяжело, валко, судя по размерам живота, вскоре собиралась сделать Сашеньку отцом. Жена

зашла в секцию, где торговали полотном и ситцем, а Сашенька закурил папиросу, посмотрел вокруг солидно, и тут его толкнул разухабисто шагавший мужик в распахнутой дохе. Глянув только на мужика, Мелентьев безошибочно определил, что он не москвич, а залетный, вчера поутру удачно сбыл привезенный товар, вечером с дружками старательно поужинал, сегодня на постоялом дворе выпил графинчик, а сейчас собирается покупать подарки родне.

На такую наживку должно клюнуть незамедлительно, и Мелентьев двинулся за дохой следом. Месяц катился к концу, а у Мелентьева ни одной поимки, начальство еще молчит, но уже хмурится.

Мимо такого живца московский жулик пройти не должен. Если не карманник его потрошить начнет, так мошенник увидит и уступит ему по дешевке алмазы бразильские, на худой конец акции копей царя Соломона. Рассуждая так, Иван Мелентьев мужика в дохе из виду не терял и вдруг увидел, как у Сашеньки взгляд стал мечтательным и отрешенным, зевнул он нервно и шагнул за дохой следом, затем вытер ладони об полу своей шубейки и обежал вокруг мужичка, прицеливаясь. Тот торговал штуку яркого ситца и, чтобы у Сашеньки промашки не получилось, вытащил из-за пазухи замасленный кошель, хлопнул им о прилавок и сунул в широкий карман дохи.

Вместо того, чтобы выждать, пока Сашенька возьмет, Мелентьев шагнул из своего укрытия, положил тяжелую руку

Сашеньке на плечо и спросил:

– Гражданин хороший, не вас ли супруга кличет?

Сашенька, глядя на Мелентьева снизу вверх, слизнул капельки пота и икнул. Жизнь вертелась вокруг, и никто не обращал на них внимания, лишь они двое знали, что один уже шагнул с обрыва в омут, а другой выдернул его, спас. Сашенька перекрестился, приседая и оглядываясь, бросился к жене, которая, прижимая к груди свертки, выкатилась из секции в проход Пассажа. «Даже спасибо не сказал, сукин сын», – подумал Мелентьев, не серьезно подумал, а так, перед собой похваляясь, и стал отыскивать мужичка в дохе, не нашел, однако настроение весь день у него было праздничное.

Вечером Мелентьев толкался у колонн императорского театра, когда к нему подскочил оборванец, сунул конверт.

– Передать велено, – и скрылся, не попросив, как обычно, папиросочку.

«Дело, вас интересующее, поставил не деловой. Приглядитесь к студенту Шуршикову Якову, что на Солянке у известного вам Быка угол снимает». Буквы печатные, однако гладкие и ровные, отметил Мелентьев, и слог культурный. Кто же из его крестников так изъясняться выучился? Автор письма сыщика заинтересовал больше, чем неизвестный студент. Мелентьев бумагу пощупал, понюхал – простым табаком отдает, и оглянулся, выискивая беспризорника.

– Ну, балуй! – услышал Мелентьев, посторонился от наез-

жавшей пролетки, взглянул на гнедого рысака, который хрипел, задирая голову, потом на кучера и узнал Сашеньку. Секунду, не более, они смотрели друг на друга. Мелентьев сунул письмо в карман и легко прыгнул в пролетку, сиденье скрипнуло, пахло пылью. «Не дело, если меня здесь увидят», – подумал Мелентьев и поднял верх. Сашенька выкатился из суматошной толпы и остановился, перебирая вожжи, ждал, куда везти прикажут. Мелентьев отодвинулся в угол и молчал, боялся разорвать ниточку, протянувшуюся между ними в момент немом Сашенькиного признания. Сашенька еще чуток выждал, затем тронул рысака, выехал через Театральный проезд на Никольскую и свернул в Ветошный переулок. Москва словно отпала, осталась позади, тихо и темно, сквозь окна просвечивали абажуры, на цокот копыт твякнула со двора собака, уже задремавшая, другая лениво отозвалась и замолкла. Пролетка перевалилась по булыжнику, наконец встала. Мелентьев щелкнул портсигаром и сказал:

– Угощайся.

– Не курим, барин, – Сашенька натужно откашлялся и спросил тоскливо: – Куда велите, барин?

Мелентьев не ответил, закурил, устраиваясь поудобнее, скрипнул сиденьем, ждал. Сашенька вытянул кнутом по гладкой спине рысака, тот, неодобрительно покачивая головой, промчал переулок, вынес на Ильинку. На Москворецкой набережной Сашенька перевел кормильца на шаг, поко-

сился назад, но Мелентьев упорно молчал. Между уважающими себя сыщиками и подсказчиками существовал неписанный договор: ты ничего не говорил, я ничего не слышал. Иван Мелентьев его свято придерживался, зная на горьком опыте неразумных товарищей, что, ежели нарушишь, не будет у тебя на той стороне доброжелателей. А что ты без них? Слепой путник скорей выйдет из леса на дорогу, чем сыщик без подсказки найдет преступника.

Мелентьев курил, глядя на худого сгорбленного Сашеньку, который, казалось, с каждой минутой становился все меньше, и слышал его мысли, словно тот говорил вслух: «Отпусти меня, Иван Иванович, не вынимай душу, я тебе добром за добро, и ты мне так же, слезь с пролетки, уйди». Сыщику было жалко бывшего карманника, но себя Иван Мелентьев жалел больше и потому Сашеньку отпустить никак не мог.

«Дело, вас интересующее...» Какое дело? Неужели Сашенька что-то знает о банке и убийстве чинов наружной полиции? Что знает? Как узнал? Сеня Бык с Солянки – личность знакомая: пьяница, марафетиком приторговывает, к серьезному делу и краешком прикоснуться не может. Студент Яков Шуршиков? Кто такой? «Дело поставил»? Откуда Сашенька подхватил такие слова? Дело поставил, дело поставил, повторял Мелентьев. Дело поставил не деловой, человек, не знакомый воровскому миру. Похоже, ох как похоже, вот почему крестятся «отцы» и «матушки», плачут, клянутся, не знаем, мол. Эх, Сашенька, что же делать-то теперь?

Если рапорт подать, мол, подбросили записочку, так Ивана Мелентьева в случае удачи не то что приказом по ведомству, в коридоре добрым словом никто не помянет.

– Запарился? – Сашенька слез на землю, похлопал рысака по влажному крупу. – Тяжело тебе, а мне, думаешь, легко? Я сына, кормилец, жду, он без отца пропадет. А для Якова Шуршикова жизнь человека плюнуть и забыть – кокнул пером, амба и ша. – Он влез на козлы, вздохнул, как застонал, и рысак ответил хозяину тихим ржанием.

Мелентьев затянулся в последний раз и выбросил окуроч в Москву-реку.

– Яков долю содельникам не выдал, – еле прошептал Сашенька. – Все у себя держит. Бык и не знает, на чем спит. Ежели в его доме «катеньки» взять, то Якова налицо перевернуть можно.

Мелентьев зевнул так, что скулы свело, и сказал грубо:

– Ты что стоишь, дядя? Соснул седок, ты и рад. А ну гони к Театральному, подлая твоя душа.

Не доезжая двух кварталов до места, Мелентьев неслышно с пролетки соскочил, исчез в проходном дворе, и больше сыщик и бывший карманник-техник не встречались.

Через два дня извозчика Александра Матвеевича Худякова нашли в собственной пролетке зарезанным. Не был он никаким чином, да еще стоял в уголочке на учете, и похоронили Сашеньку тихо. Мелентьев на похороны не пришел, так

как объяснить появление сыщика на могиле бывшего вора совершенно невозможно.

Яша рос мальчиком болезненным, был застенчив и нравом кроток. Отец его – Михаил Яковлевич Шуршиков – служил в почтовом ведомстве, ходил, вечно опустив голову, боялся начальства, соседей, а больше всего – хозяина дома, которому постоянно за квартиру должен. Мать Яши – Мария Григорьевна – некогда слыла красавицей, только времени того никто не помнил. Единственного сына она родила в девятнадцать лет, в материнстве не расцвела, лицом бледнее и строже стала, душещипательные романы забыла, не расставалась с Библией и к тридцати годам стала существом без возраста и пола. Шуршиковы занимали три комнаты на втором этаже деревянного дома, расположенного в самом конце Проточного переуллка, который так назывался потому, что от Садового шел к Москве-реке под уклон и текли по нему и воды вешние и осенние, и талый снег с навозной жижей.

Текли воды, годы, матушка до тридцати пяти не дожила, отец втихую запил, Яков успел окончить гимназию и однажды, когда отца, освобождая квартиру, в горячке снесли во двор, а чиновник растерянно смотрел на пристава, не понимая, что можно в этом доме описывать, Яков Шуршиков пошел по Проточному вверх, выбрался на Садовую и, не оглядываясь, зашагал налево, к Поварской. С таким же успехом он мог бы направиться и направо, к Арбату.

Через приятелей по гимназии Шуршикову удалось полу-

читать место репетитора – крыша над головой и харчи. Попав в студенческую среду, он сошелся с эсерами не по идейным соображениям, а так случилось. Но очень скоро Шуршиков впервые почувствовал: отсюда надо бежать, и чем быстрее, тем лучше. Каждому человеку от рождения что-то дано: музыкальный слух или понимание прекрасного, отвага, чувство справедливости, эгоизм или стремление к самопожертвованию; Яков Шуршиков предчувствовал надвигающуюся опасность. Совершал порой самые рискованные поступки, уверенный, что все сойдет ему с рук. Так, первым его преступлением была безрассудная кража. Он репетировал в купеческой семье среднего достатка и однажды, проходя вечером через гостиную, увидел на столе пухлый бумажник и положил его в карман. Разразился скандал. Из дома с позором выгнали приходящую прислугу, хотя дворник и кучер видели, что девушка из кухни не выходила.

Яков совершил еще несколько краж по случаю, затем начал принимать краденое от знакомых подростков, с репетиторством покончил и стал преступником профессиональным. Образование и природная сметка ставили Шуршикова выше тех мелких жуликов, с которыми он имел дело. Прошло несколько месяцев, и он связи с карманниками порвал, почувствовав опасность, место жительства сменил. Он появился на Сухаревке, в этой академии преступного мира Москвы, но и здесь ему не понравилось. Сухаревка походила на мост, соединявший свободный мир и каторгу. Якова

Шуршикова это явно не устраивало. Но, прежде чем расстаться с Сухаревкой, Яков убил человека, который шел через Москву на юг России. Яков встретил его в ряду, где торговали одеждой, и по тому, к чему человек приценивался, понял – деньги у человека есть. Когда случайное знакомство состоялось, они выпили в трактире по паре чая, и Яков узнал, что человек бежал с этапа, в Москве у него ни родственников, ни знакомых и на заре он должен из златоглавой убираться. И понимал Шуршиков: не возьмешь с человека много, однако безнаказанность манила, и по пути от трактира к ночлежному дому проломил болтливому приятелю кистенем голову, забрал двенадцать целковых с мелочью, и больше Студента – так за фуражку с гербом окрестили его на Сухаревке – здесь никогда не видели.

Шуршиков снял угол у бывшего семинариста, который работал ночным сторожем, приторговывал наркотиком, был умен и силен как бык, и звали его в округе Быком. Раздумывая о своем будущем, Яков Шуршиков пришел к выводу, что быть ему преступником на роду написано. Действительно, а как жить? Учиться не на что, да и тяги такой не чувствовал, руками делать он ничего не умел, идти прислуживать – не желал. Не велики были университеты Якова, однако он понял: мелким воришкой, при всем чутье и везенье, от тюрьмы не уберечься, надо брать редко, но крупно. Где и как? Конечно, манила его фортуна афериста-гастролера, о подвигах «международников» порой писали газеты. Но нуж-

ны для начала деньги, связи да и талант. Яков понимал – не годится он для такой карьеры. Хорошие деньги лежат в сейфе, но как его открыть? И тут Яков среди клиентов Быка встретил пожилого часовщика, который все заработанное отдавал за морфий. Оказался часовщик в прошлом взломщиком-медвежатником, но, отсидев два срока, пристрастился к марафету, здоровье заставило профессию сменить, а так как был он от природы умельцем, какие редко встречаются, то быстро освоил часовое дело. Петрович, так звали часовщика, доживал век мирно, брал за работу дешево, зарабатывал, как говорится, «на иглу», больше ему и не требовалось. Кольнувшись, он становился болтлив, охотно рассказывал о годах молодых, люди слушали и посмеивались. Яков Шуршиков слушал и все больше задумывался. Думал он, думал и, улучив момент, вошел к Петровичу с предложением. Ты стар, без марафету не проживешь, а глаза и руки уже не те, скоро откажут, обучи меня своему прошлому ремеслу, тебе риску никакого, а я тебя до последних дней не оставлю, угол и шприц всегда иметь будешь. Петрович думал недолго, согласился.

Яков обучение поставил серьезно, первым делом мастера в морфии ограничил, заставил есть через силу, гулять выводил. Старик мучался, матерился, терпел, однако, и не только будущей корысти ради, а нравился ему молодой студент, цель какая-то в жизни появилась. Начали с разговоров, старик во время прогулок рассказывал о былом, привирал из-

рядно. Яков слушал, врать не мешал, ждал, когда старик выговорится. Потом стал Яков чертежи рисовать, замки простенькие, потом сложнее, больше запоминал, кое-что и записывал, так теоретически и до сейфов добрались. Надо было учиться металл работать. Тут инструмент понадобился. Поначалу, какой попроще, Петрович сам изготовил. Яков со свалки железный ящик притащил, столько в нем дырок наделал, что в натуральную терку превратил. Пальцы силу и чуткость приобрели, стал Яков рисовать сейфы настоящие: «Панцирь», «Сан-Галли», изучать замки сложные.

Когда Шуршиков почувствовал, что из старика больше ничего не выжмешь, купил ему морфию, дал колоться в охотку, а однажды добавил шприц уже заснувшему, и не проснулся человек. А кому он нужен? Кто разбираться станет? Жил на игле, от нее и помер, рассудили соседи, и схоронили в складчину. Студент даже целковый дал, чем людей растрогал. «Вот и ученый вроде бы, а душевный», – сказано было на поминках.

Глава третья

Профессионалы

Блекло-желтые абажуры висели низко, свет заливал бильярдные столы, зеленое сукно которых было исчерчено мелом, игрок наклонялся вперед, чтобы сделать удар, попадал в квадрат света, а ноги и часть туловища оставались в тени. Человеческие фигуры от этого причудливо ломались, из полумрака на свет выползал серый дым, повисал над столами и играющими. Пахло в бильярдной застоявшимся табаком, пивом и сыростью, которую принесли сюда с затопленных ливнем улиц.

Хан и Сынок постояли у двери, пообвыкнув, прошли в глубь зала и остановились у колонны рядом со столом, на котором, судя по напряженному вниманию зрителей, шла крупная игра.

Когда, приканчивая в закуской домашнюю колбасу, беглецы решали вопрос, куда податься, первым заговорил Сынок.

– На дно опустимся, отлежимся, – сказал он. – Согласен?

– Нет, повяжем галстуки и выйдем на Красную площадь.

Сынок прыснул в кулак, смешлив был, затем насупил беледые брови и спросил:

– Может, у тебя и место есть?

Хан скупо улыбнулся, пожал плечами неопределенно.

– То-то, – сказал Сынок назидательно. – А у меня есть, примут по высшему классу. Вера Алексеевна, учительствует, к уголовке никаким краем...

– А к тебе каким краем?

– У нас любовь, – Сынок самодовольно улыбнулся.

Хан слушал внимательно, смотрел с любопытством. Почувствовав заинтересованность, Сынок начал бойко рассказывать, какая серьезная и замечательная девушка Вера Алексеевна, и квартирка двухкомнатная, и окна в палисадничек.

Хан смотрел на Сынка, как смотрят на человека, который штаны не застегнул, то ли вообще забыл их надеть. Сынок тон поубавил, две фразы пробормотал невнятно и неожиданно спросил:

– Чего zenки шуришь? Не нравится? Или у тебя в «Европе» люкс забронирован?

– Ты за кем сидел?

– За Иваном Ивановичем числился, – с гордостью ответил Сынок.

– Уважаю, – Хан склонил голову. – Старик шпаной не занимается. Так где, ты полагаешь, товарищ субинспектор тебя искать будет? Зачем же нам к твоей Верочке тащиться? Легче в контору позвонить. Иван Иванович человек обходительный, извозчика за нами пришлет. – Он помолчал, раздумывая, закончил неохотно: – Попробую я одного человека найти, удастся, будет нам и крыша, и бульонка.

Сынок согласился, беглецы, прыгая по лужам, добрались до этой бильярдной.

Хан приглядывался к окружающим. Сынок уже освоился, видно, обстановка была привычная, толкнул приятеля и зашептал:

– Тихое местечко, не больше двух облав за день.

– Бывал? – Хан взглянул вопросительно. – Где тут этот... начальник местный?

– Маркер? – Сынок указал на крупного мужчину в подтяжках, который чинил кий на канцелярском столике у стены.

Хан кивнул, подошел к маркеру и стал молча наблюдать, как тот прилаживает к кию наклейку. Выждал немного и, убедившись, что никто не слышит, спросил:

– Леху-маленького не видели?

Маркер зацепил щепочкой пузырившийся в жестяной банке столярный клей, потянул его истончающуюся нить к кожаной шишечке наклейки, мазнул, приложил ее аккуратно на полагающееся место, придавил ладонью. Придирчиво разглядывая свою работу, маркер сказал:

– Гуляй, парень, ты тут ничего не терял, а раз так, то и искать тебе тут нечего. Гуляй.

Хан молча вернулся к наблюдавшему за ним Сынку, который не преминул съязвить:

– Ни тебе оркестра, ни цветов.

Партия на ближайшем столе закончилась, зрители громко

обсуждали итог, шелестели купюры; игроки, чуть ли не соприкасаясь лбами, обсуждали условия следующей партии.

Сынок потянул Хана за рукав, кивнул на выход. Хан взглянул на маркера, оглянулся, сказал:

– Куда подадимся, решим сначала, – и не договорил, в спину его толкнул здоровенный верзила, будто ребенка отвел в сторону.

– Зачем тебе Леха-маленький? Он приболел, меня прислал.

Хан поднял голову, взглянул на нависавшее над ним заплывшее лицо.

– Я слышал, Леха, что меня один человек ищет.

– Какой человек?

– Корней.

– Не знаю такого, – Леха отодвинулся, оглядел Хана внимательно. – Как тебя кличут? Где слушок тебя нашел?

– Был я у дяди на поруках, там встретил тезку твоего...

– Заправляешь, – Леха улыбнулся, поскреб рыжую щетину, обнял Хана за плечи, повел в угол. – Как он там? Я лишь намедни узнал, что заболел тезка...

– Он неделю как на курорт приехал, повязали его у барыги, за ним чисто, подержат и выгонят, – говорил Хан быстро. – Так он тебе велел передать.

– Уважил, уважил, – рокотал Леха. – А ты как? Вчистую?

– Если бы, – вздохнул Хан. – Под венец вели, червонец обламывался, соскочил...

– По мокрому?

– Никогда, – быстро ответил Хан. – Но не один, – указал взглядом на Сынка. – И как есть, – он провел ладонями по карманам. – А тетка твой сказал, что его Корней искал...

– То его, – перебил Леха. – Твоего имени никто не называл. Я тебя даже во сне не видел.

– Раз мне тетка Корнея назвал, значит, гожусь.

– Что же ты хочешь?

– Спрячь нас, скажи Корнею как есть, пусть решает.

– Тебя можно, а этот к чему? – Леха покосился на Сынка, который своей фрачной парой выделялся среди порядком обшарпанной публики.

– Это же Сынок, – сказал Хан.

– Чей? – придуриваясь, спросил Леха; заметив, как скрипелся Хан, сказал: – Слышал, слышал: разговоров много. Тебя-то как кличут?

– Хан, – ответил, а сам подумал: «Леха кличку Сынок явно слышал, и держится парень нагло, будто в законе он абсолютно. Сынок? Сынок? – напрягал память Хан. – Почему же я его не знаю?»

– Точно окрестили, на татарву смахиваешь. Ждите, – Леха хотел идти, но задержался. – Скажи своему Сынку, чтобы он с Бариним в игру не ввязывался, останется в чем мать родила. – Он утробно хохотнул и неожиданно легким шагом направился к выходу.

Сынок, прислонившись к колонне, видимо, собирался иг-

рать в карты с хорошо одетым мужчиной средних лет. Котелок и трость игрока держал какой-то пьянчужка, смотрел на Барина подобострастно и фальшивым голосом говорил:

– Барин, вы же не в клубе, опомнитесь... Здесь же вас обчистят...

– А мне не жаль мово второго мильёна... – сверкая золотыми коронками, говорил Барин и тасовал так, что о его профессии не догадался бы только слепой. Вокруг играющих собрались любопытные.

– Опять связался, битому нейметя, – говорил один.

– Вчера пятьсот оставил.

– Третьего дня тысячу...

Сынок глядел на Барина восторженно, на зрителей виновато и, смущаясь, говорил:

– Нам много не надо, червончик-другой – и в аккурат закончим. Я счастливый, батя мне ишь какую одежонку купил, женить собирается. – Он лучезарно улыбнулся.

Хан собрался было вмешаться, но, вспомнив гонор нового приятеля, раздумал: «Больше червонца у него нет, а на вещи играть не дам».

Барин ловко справился со своим делом, сложил колоду так, что Сынок мог выиграть лишь прошлогодний снег. Сынок снял неуклюже, последовал «вольт» – прием, при котором колода возвращается в первоначальное положение.

– Войдите, – Барин бросил в свой котелок червонец.

– Чего? А, гроши, – догадался Сынок и долго шарил по

карманам, отворачивался, чтобы не видели, где и сколько у него лежит.

– Пожалте, – он положил червонец, взял у пьянчужки котелок, надел себе на голову, качнулся неловко, толкнул Барина и выбил у него колоду.

Мастерски сложенные карты рассыпались.

– Извиняйте, извиняйте, – Сынок нагнулся, помогая собрать карты, придерживал сползающий котелок, приговаривая: – Червончики, голубчики, где вы?

Барин болезненно поморщился, сложил колоду и спросил:

– Дать или сами возьмете?

– Сам, только сам, ручка счастливая. – Сынок показал всем свою руку, взял снизу две карты и открыл туза и десятку.

– Счастье фраера светлее солнца, – сказал Барин.

Сынок вынул из котелка червонец, сунул в карман, подождал, пока Барин положит новый, прорезал колоду, дал снять.

– Открывайте по одной снизу, – сказал Барин.

Сынок открыл семерку, затем короля. Барин кивнул, мол, еще. На колоду лег туз.

– Не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз, – пропел Сынок.

– А Барин, кажись, на приезжего попал, – сказал кто-то.

Игра продолжалась еще минут пять. Сынок забрал у Барина шестьдесят рублей, часы и кольца, перестал дурачить-

ся, смотрел на жертву равнодушно. Когда Барин начал в очередной раз сдавать, Сынок небрежно вынул у него из рукава туза и сказал:

– С этим номером только в приюте для убогих выступать. – Надел Барину котелок на голову: – Спи спокойно, тебя сегодня не обворуют.

Кругом рассмеялись, и, хотя выиграл чужак, народ веселился от души: ловких здесь уважали. Хан следил за происходящим и, с одной стороны, радовался за приятеля, с другой – злился его успеху, малый и так не подарок, теперь зазнается еще больше.

Сынок отделил от выигрыша два червонца, один положил в нагрудный карман Барину, как платочек, оставив уголки, и сказал:

– На разживку даю, встретимся – отдашь. – Он протянул второй червонец зрителям: – Выпейте, ребята, за здоровье раба божьего...

К Хану подошел маркер и указал молча на дверь. Сынок, словно следил за приятелем, мгновенно оказался рядом, беглецы быстро вышли во двор, впереди маячила фигура Лехи-маленького. Сынок стрельнул взглядом по переулку – ни души, лишь впереди женщина, сняв ботинки, переходила через залитую дождем мостовую.

Сотрудник уголовного розыска Сергей Ткачев наблюдал за беглецами из глубины подворотни. Когда они отошли на значительное расстояние, агент выбрался из укрытия и дви-

нулся следом.

Леха шагал косолапя, слегка переваливаясь, однако следовавшим за ним Хану и Сынку приходилось поторапливаться. Ткачев порой еле успевал. Леха шел переулками, оставляя Арбат справа, неожиданно остановился около четырехэтажного дома, закурил, вошел в подъезд. Хан и Сынок тут же шмыгнули следом. На третьем этаже проводник открыл дверь, пропустил ребят вперед и погнал их перед собой по длинному коридору. Слева и справа чередовались двери, из-за которых доносились голоса, наконец коридор кончился, Леха открыл дверь черного хода, вытолкнул Хана и Сынка на лестничную площадку, поднялся еще на один этаж, снова открыл дверь, и снова они шли полутемным коридором, где-то рядом шевелилась жизнь, простуженно всхлипывал патефон, устало плакал ребенок, пахло вчерашней едой и пылью.

Через несколько минут они оказались во дворе. Леха, засунув руки в карманы, двинулся дальше, не оглядываясь, минут через пятнадцать, поровнявшись с двухэтажным каменным домом, остановился, кивнул на подъезд и ушел, не прощаясь.

«Гостиница «Встреча». Иоганн Шульц». Вывеска была старая, бронзовые витые буквы устало скривились, но были заботливо вычищены.

Хан взглянул на вывеску, на Сынка, толкнул зеркальную тяжелую дверь. За спиной вежливо брякнул колокольчик, под ногами чисто выметенный ковер, за конторкой блед-

ный мужчина неопределенного возраста, перед ним картонка, на которой кокетливыми буквами выписано: «Просим извинить, свободных мест нет».

Мужчина за конторкой взглянул на вошедших без всякого интереса, положил перед собой ключ с деревянной грушей и сказал:

– Вам, молодые люди, направо. Номер семь.

Из двери за конторкой вышла блондинка лет тридцати в строгом, словно у классной дамы, костюме, оценивающе оглядела гостей, чуть склонила голову:

– Желаю хорошего отдыха.

– Благодарю, мадам. – Сынок ослепительно улыбнулся, взял ключ, шаркнул ножкой. Хан молча кивнул.

Мужчина открыл конторскую книгу, делая там запись, сказал:

– Не забудьте сдать на прописку паспорта.

– Непременно, – Сынок взял Хана под руку и увел в коридор, приговаривая: – Верительные грамоты и багаж придут позже.

Гостиница «Встреча» до революции была третьеразрядным заведением, где останавливались в основном соплеменники хозяина – Шульца, немца, родившегося в России, но изъяснявшегося по-русски с грехом пополам.

В четырнадцатом году Шульц гостиницу продал и с молоденькой белокурой Анной, ставшей его супругой за несколь-

ко месяцев до мировых событий, исчез в неизвестном направлении.

Вывеску содрали, зеркальные стекла побили, у заведения менялись хозяева и названия. А в первый год нэпа у заколоченных фанерой дверей остановилась двухколесная тележка со скромным скарбом, и в помещение тихонечко проникла худенькая Анна, сложила свои вещички у дворника и начала действовать. Куда она ходила, с кем разговаривала, сколько и кому платила, в округе не знали, но очень скоро отыскалась старая вывеска, которую кое-как починили, надраили до блеска и водрузили над дверью. Появились рабочие, строили, красили, вставляли зеркальные стекла. Через месяц помещение привели в порядок, все номера сверкали чистотой, хозяйка, тихая и несколько испуганная, удивленно оглядывала свои владения, гостей не пускала, кланяясь, деликатно отвечала, что еще не закончены приготовления. Налетевший, как карающая десница, фининспектор пробыл в новой гостинице каких-нибудь полчаса и ушел довольный – все было уплачено без жалоб и сполна.

Помогал Анне прибывший вместе с ней очень бледный неразговорчивый мужчина лет пятидесяти, манерами и внешностью из бывших. Имени и фамилии его никто не знал, и очень скоро его стали звать Шульцем, хотя на пропавшего немца Шульца он не походил абсолютно. Известно было, что сочетались новые хозяева гражданским браком. Анна всплакнула, как решили соседи, «новый» в церковь идти не

пожелал. Хозяина никто ни господином, ни по имени-отчеству не называл, просто Шульц, словно кличка. Авторитетом и уважением Шульц ни у соседей, ни у постояльцев не пользовался, дел он никаких не решал, сидел за конторкой, записывал вновь прибывших в книгу, выдавал ключи и тихим, бесцветным голосом отвечал по телефону. Этот аппарат вызвал много пересудов, телефон в тот год являлся редкостью, а в гостинице его поставили чуть не в первый день. Поначалу соседи ходили пользоваться, хотя и звонить-то им было некуда. Шульц никому не отказывал, но глядел на незваного гостя так, что человек несколько слов выдавливал из себя с трудом, начинал заикаться и вылечивался от этого недуга не сразу. Нет, странная гостиница, как на нее ни смотри. Номера, конечно, чистые, никто не спорит, на первом этаже с ваннами, но цены какие? Виданное ли дело, самый дешевый номер – четыре рубля, а есть и по двадцать. Кто же там жить-то станет, люди с такими деньгами могут и в «Европе» поселиться или, скажем, в «Бристоле».

Узнав все это, в округе решили: прогорит немочка со своим Шульцем, как бог свят – прогорит. Однако чудеса да и только: из двадцати номеров хорошо четыре-пять заняты, а Шульц уже выставил свою табличку: «Нумеров предложить не можем». Немочка ходит, глазки опустив, улыбается задумчиво, жильцов не только не зазывает – пускает далеко не всех. Фининспектор не жалуется, милиция довольна, тишина в переулке, будто не гостиница, а дом политпросвета.

А ведь поначалу было подозрение, что собираются в тихом омуте заведение непристойное организовать. Так этого ни-ни, как-то в связи с данным вопросом получился полный конфуз. Поселился у Шульцев молодой человек, представительный, за квартал видно: при деньгах. На третий день подкатывает гость на такси. Кто был из соседей дома – из окон вывесились: не один прикатил, а с дамочкой.

Тетка Настасья, что у окна напротив гостиницы сидит, мгновенно определила: дамочка та не кто иная, а совершенно точно – Ната Вачнадзе, которая в боевике «Натэлла» в заглавной роли. Не успела Настасья проковылять по переулку и разъяснить подругам свою точку зрения на происходящее, как появился в дверях «Встречи» Петр, который у Анны и швейцар, и прислуга, и аккуратно поставил на тротуар чемодан и саквояж из натуральной свиной кожи. Тут же выскочила на улицу дамочка, застучала каблучками дробно и скрылась за углом столь быстро, что любопытные разглядеть не успели – Вачнадзе или просто девочка, которая, как и автомобиль, сдается напрокат. У мальчишек свист от губ не успел отлепиться, как на тротуаре около вещичек стоял молодой человек приятной наружности и громко зеркальной двери объяснял, что платит непомерные, честно заработанные деньги и потому имеет право невесту привести. Петр сквозь стекло взглянул на оратора равнодушно, не дослушал даже, пропал в сумрачной тишине холла.

Тихо жила гостиница, так тихо, что у Настасьи с тоски

коренной зуб разболелся. Плюнула она в сердцах и окно закрыла, а подругам объявила: мол, немцы, они супостаты и есть, спать дотемна ложатся, вино даже в праздники не пьют, хороший человек у них жить не станет и глядеть на них из окна русскому человеку противно, мочи нет.

Поверили люди, отвернулись от двухэтажного домика, где двадцать номеров, хозяйка Анна Шульц, за конторкой у телефона просто Шульц, а швейцар и прислуга – мужик по имени Петр. Позже поселилась еще в гостинице девушка Даша, однако о ней разговор уж совсем особый.

Спать в гостинице не то что дотемна, порой и до рассвета не ложились. Гости сутками не появлялись, порой сутками из номеров не выходили, приезжали и уезжали и на лихацах, и на такси, некоторые брали машину напрокат. Гости у Шульцев подбирались на удивление скромные, стеснительные, одевались – взгляду зацепиться не за что, жителей перулка уважали, пролетки и машины оставляли позади гостиницы, на параллельной улице, ногами не шаркали, дверьми не хлопали. Жили у Шульцев иногда восемь человек, а бывало, что и двое, платили же гости не двадцать рублей в сутки, как значилось в прејскуранте, а несколько больше. Случалось, постояльцы, уезжая, так бывали растроганы гостеприимством, что оставляли в домике и пятьсот рублей, и тысячу. Хозяйка ни золота, ни камней в подарок не принимала, хотя у гостей водились вещички интересные. У хозяина гостиницы и его постояльцев существовал закон: все вещи, до-

бытые в златоглавой, должны из Москвы уйти немедленно. Ни одна даже пустяковая бранзулетка осесть не могла, делать и принимать подарки было строжайше запрещено.

Без объяснения причин Анну о законе предупредили, однако около года назад польстилась она на сережки и колечко с изумрудами, уж больно они ей пришлись. Подарок тот она ни сегодня, ни до гробовой доски не забудет. Били ее в задней комнате, завязав рот мокрой простыней. Позже, когда она стала людей узнавать, принесли гостя, который тот подарок сделал. Парнишка ползал и бормотал для Анны непонятное. Занимались им сами гости. Сквозь кровавый туман Анна увидела раз швейцара Петра, он поставил на стол вино и сказал:

– Курве портрет целым оставьте. Нам, мальчики, вывеска нужна, – перешагнув через лежавших на полу и вышел.

Выхаживала Анну появившаяся в те кошмарные дни девушка Даша – красавица с зелеными глазами, с поразительно неслышной поступью и мягкими руками. Она в совершенстве владела искусством врачевания, и через две недели Анна, осунувшаяся, но вполне окрепшая, появилась в холле и положила привычно ладонь на плечо мужа, который потерся щекой о руку жены, записал в книгу приехавшего гостя, дал ключ и своих глаз не поднял.

Анна за последний год слегка располнела, но талия у нее осталась девичьей. Золотоволосая, с большими синими глазами, она могла бы быть очень хороша собой, если бы не дер-

жалась неестественно прямо и скованно. Лицо ее было холодно и бесстрастно, глаза смотрели равнодушно, порой бессмысленно, очень редко, и то когда никто не мог видеть, в них появлялась мысль, про которую в народе говорят: тоска смертная.

Шульцу можно было дать и сорок, и шестьдесят. Точно о возрасте человека говорят глаза, но этот человек взгляда никогда не поднимал. Был он хорошего роста, худ, но крепок, держался, как и жена, прямо, и оттого, что голову он держал высоко, а глаза опущенными, бледное лицо его, с резко очерченными скулами и всегда плотно сжатым ртом, походило на маску.

Законные хозяева гостиницы «Встреча» были красивы, холодны и малосимпатичны.

Шульц проводил взглядом молодых людей, встал, потянулся жилистым сухим телом, хрустнул пальцами. Анна хотела обнять мужа, приласкать, он отстранился. Мужчина и женщина, они были вдвоем в этом холле, городе, мире, одинокие, никому, даже друг другу, не нужные.

– Дорогой, – Анна увидела, что на лице мужа появилось недовольство, сделала паузу, но продолжила: – Если нас не арестует полиция, то зарежут постояльцы.

– Терпи, дорогая. – Шульц замолчал, так как Анне он давно объяснил, что гостиница приобретена на деньги чужие, ссуженные на определенных условиях, и решать, кого при-

нять, кого выселить, может лишь швейцар.

Из коридора вышел швейцар Петр – лет пятидесяти, среднего роста, быстрый в движениях, улыбающийся.

– Приехали, родимые, – весело сказал он и по-мальчишески подмигнул Анне. – Гость в дом, радость в дом. Не грустите, господа, все будет в лучшем виде, образуется.

С появлением Петра помещение ожило, заскрипели под его быстрыми шагами половицы, качнулись в кадках мертвые фикусы. Он бегал по холлу, протирая на ходу пыль, снимая с ковра одному ему видимые соринки, зыркал весело блестящими глазами и говорил без умолку, якобы сам не придавая своим словам значения:

– Седьмой номер удобный, мальчикам там хорошо. Жильца с третьего выселите, Анна Францевна. Они говорили – недельку проживут, а уж вторая кончается, им съезжать самое время.

– Платит человек аккуратно, – возразила Анна, но в тоне чувствовалась обреченность. – Да и как я объясню, гостиница пустая стоит, он же видит... – и замолчала.

– А никак не объясняйте, – радостно откликнулся Петр, протирая и без того чистые гляцевитые листья фикуса. – Зачем объяснять? Ежели вам невтерпеж, скажите, побелку надумали, – он рассмеялся, довольный. – Я туда и стремяночку сейчас отнесу, ведерочко поставим. А за денежки не извольте беспокоиться, мы за их номерок с молодых людей удержим.

Шульц уже открыл конторскую книгу и жильца, занимающего третий номер, вычеркнул. Анна проследила за карандашом мужа и, удивляясь своему упрямству, сказала:

– С этих голодранцев? Откуда у них деньги?

– А уж это нас с вами, уважаемая Анна Францевна, совершенно не касается. Может, люди наследство получили? А? – Петр присел, хлопнул ладонями по ляжкам, рассмеялся. – А может, они тысячу рублей на улице нашли? Вы не находили? – Он взглянул на Анну и закрыл один глаз. – И я не находил, а они нашли, такое случается.

Качнулась зеркальная дверь, рассыпал свою медь колокольчик, и в холл вошел Леха-маленький, за час с ним произошли перемены удивительные. Он был чисто выбрит и причесан, костюм добротный, строгий, по животу золотая цепь. Опустив на ковер два больших, слишком новых чемодана, открыл было рот, но Петр опередил:

– Алексей Спиридоныч! Барин! Радость-то какая! – Он подбежал, ухватил чемоданы, поволок на подгибающихся ногах в коридор. – Пятый номер, пожалте, проходите.

Уголовник кашлянул, вздохнул облегченно и торжественно зашагал следом за чемоданами.

Шульц каллиграфическим почерком писал: «Алексей Спиридонович Попов», задумался и добавил: «Коммерсант».

Петр у номера чемоданы бросил, достал из кармана ключ, отпер замок, вошел и плюхнулся в красное плюшевое крес-

ло. Леха внес чемоданы. Увидев, что Петр манит его пальцем, подошел. Петр сорвал с него цепочку и сказал:

– Говори.

– Как я и кумекал, брательник заболел...

Петр рассмеялся, замахал руками, перебил:

– Лешка, дубина ты стоеросовая, одна у тебя извилина и та от топора. – Он перестал смеяться и продолжал, глядя куда-то в угол: – Если я от тебя, Алексей Спиридонович, хоть одно слово, – Петр показал для наглядности один палец, – услышу на фене, то я тебя, родненький, очень обижу. Говори.

– Я рассказывал, – Леха пошевелил губами, продолжал говорить медленно, будто переводил с иностранного, – бра-тишка мой сел, ну арестовали его...

– Знаю, знаю, – развалившись в кресле, швейцар смотрел на стоявшего перед ним гиганта с презрением. – У вас семейка вор на воре. Скажи, как ты этих, – он указал на стенку, – сюда вел...

– Хвост... – Леха перекрестился. – За ними хвост топал. Я их известным тебе, Корней, путем провел. Мента в первом же дворе оставил.

– Звать меня и на людях, и тет-а-тет – Петром. – Швейцар вздохнул и после паузы спросил: – Не ошибаешься?

– Святой крест, – Леха перекрестился. – Уж чего-чего, а... – Он пробормотал тихонечко несколько слов, наконец добавил: – Наблюдение наружное я рисую сразу.

Швейцар лениво пнул стоявшего перед ним человека, больно пнул, но тот не шелохнулся, даже не поморщился.

...Субинспектор Мелентьев протер белоснежным платком пенсне и, не замечая стоявших перед ним навытяжку Ткачева и Черняка, обратился к сидевшему в углу кабинета Воронцову:

– Где же мы теперь будем их искать, Константин Николаевич?

Глава четвертая

Когда все спят

В первой комнате стояли комод, два кресла, овальный стол и диван, пол застелен ковром. В спальне две низкие огромные кровати, можно поперек лечь; в углу бронзовая девушка, вытянувшись на кончиках пальцев, расставив руки, хочет взлететь, да так и застыла. Мебель тяжелая, массивная, рассчитанная на людей комплекции солидной.

Ванная тоже большая, с медными кранами, чуть тронутыми зеленью. Окна в гостиной и в спальне полукруглые, низкие, забраны решетками в виде расходящихся лучей, покрытых белой масляной краской.

Сынок все обследовал, потрогал и улегся на одну из кроватей, рядом с бронзовой девушкой, погладил ее по крутому прохладному бедру и закрыл глаза.

Хан, как вошел, сел на подоконник, так и сидел, почти не двигаясь, оглядывал все неторопливо и настороженно. Через открытую дверь он видел лежавшего в спальне Сынка и, глядя на него, раздумывал, кто он такой, этот белокурый парень, который лежит на постели в помятом вечернем костюме, положив лаковые пыльные ботинки на атласное одеяло. Судя по всему, парень привык жить богато, чувствует себя уверенно, не то что он сам. Хан повел плечами, рубашка под

пиджаком коробилась. Он снял пиджак, сложил аккуратно, положил рядом с собой на подоконник.

Сынок повернулся, вытащил из кармана мятую коробку дорогих папирос, закурил, спичку ловко выщелкнул в потолок, взглянул на Хана, усмехнулся и ловко запустил в него папиросами, затем спичками. Хан поймать брошенное не сумел, подобрал с пола, закурил, осторожно взял со стола раковину-пепельницу, перенес на подоконник и вновь уселся, как прежде. Сынок наблюдал за ним, стараясь понять, с кем его судьба свела и правильно ли он, многоопытный, сделал, что пошел с этим Ханом. Кто такой? Что-то не слышал он такую кличку, не в законе парень, желторотый. Однако уверенный, да и браслетики снял профессионально. И приняли их здесь, как родных, будто ждали. Нет, не подвело чутье, парнем можно прикрыться, место здесь классное. Как это он всю златоглавую вроде обшарил, а о такой малине не слышал даже? За какие заслуги парня так принимают? Кто здесь хозяин? А вдруг Корень – легендарный пахан, о котором чуть не во всех пересылках шепотом рассказывают? Размышляя так, Сынок наблюдал за новым приятелем все с большим интересом.

Хан погасил папиросу, обхватил широкими ладонями колени и застыл. Смешно, кресла роскошные, диван, кровать, хоть поперек ложись, а человек на деревянной доске уселся и вроде удобно ему.

– Приятель, – Сынок зевнул, – ты за меня в ответе. Если

я с голоду помру, люди тебе не простят.

Хан не шелохнулся, на его смуглом лице не отразилось никаких чувств, слышал ли он, нет – непонятно.

Сынок придумывал слова позаковыристее, когда Хан, продолжая смотреть перед собой, сказал:

– Мне один человек говорил: только вор на земле свободен. Все люди невольны, и господа знатные, и заводчики с миллионами, даже царь и тот неволен. Что ему скажут, то он обязан делать. Только вор свободен, – он мечтательно улыбнулся.

– И ты крючок проглотил? – Сынок рассмеялся. – Сведи меня с этим человеком.

– Он умер.

– Как он умер?

– Почти сразу, теперь он свободен. – Хан смотрел не мигая. Сынка раздражал его взгляд.

– Вор и есть человек свободный, – сказал Сынок и потянулся. – Ни отца, ни матери, закон – тайга, медведь – хозяин.

– Слабый должен покинуть стаю, – подсказал Хан, – знаю я ваше товарищество. Протяни руки – или протянешь ноги, не поворачивайся спиной, – он сплюнул, цыкнув зубом.

«А парнишка меня прощупывает, – понял Сынок. – Ох не прост мальчонка, держать надо ушки на макушке, а то без башки останешься».

– Ты прав, Хан, завязывать пора с воровской жизнью. Подамся я в комсомолию, там вольготно: хочешь – лопата, не

хочешь – тачка...

Хан шевельнул смоляными бровями, улыбнулся нехотя, ответить не успел, так как дверь отворилась и в номер вошла девушка лет двадцати, фигура ладная, лицом русачка: скуластая, курносая, светлоглазая.

– Здравствуйте, господа хорошие. С новосельцем. Меня зовут Даша, – она требовательно взглянула на молодых людей.

– Сынок, крестили Николаем, отец на Ивана откликался.

– Хан.

Даша медленно подошла к Хану:

– В доме собачьих кличек не понимают. Как вас зовут, любезный?

– Степан, – Хан хотел отвернуться, но, повинувшись требовательному взгляду девушки, назвал отчество: – Петрович...

– Очень приятно, Степан Петрович, – Даша кивнула, – в номере для вашего удобства кресла поставлены. – Она подошла к кровати, на которой лежал Сынок. – Вы, Николай Иванович, стирать покрывала не намерены? Тогда встаньте, будьте ласковы. – И прежде чем Сынок успел улыбнуться, Даша залепила ему пощечину. Он вскочил, девушка не отодвинулась, указала на валявшийся окурок: – Подымите, Николай Иванович.

Николай схватил девушку за локти, сжал так, что казалось, она переломится, приподнял легко.

– Поставь на место, – Даша смотрела бесстрастно, и Сы-

нок ее послушно опустил.

Хан соскочил с подоконника, уселся в кресло, положил руки на колени. Сынок, потирая пылавшую щеку, рассмеялся, занял другое кресло. Даша удовлетворенно кивнула, села на диван, оглядела приятелей и сказала:

– Сначала вы помоетесь как следует, мыло и мочалку я вам принесу. Барахло свое в ванной сложите, заберу потом. – Она стукнула три раза в стенку, в коридоре послышались шаги, дверь приоткрылась, на пороге появился большой чемодан, шаги удалились.

Даша встретилась с Ханом взглядом, улыбнулась, а смотрела брезгливо.

– Будьте ласковы.

Хан внес тяжелый чемодан, дверь закрыл.

– Переоденетесь, – Даша указала на чемодан. – Будете жить тут тихо-тихо. Шалить, господа, не советую, хозяин здесь человек серьезный.

– Девушка, вы нас ни с кем не спутали? – Сынок начал злиться. – Я – Сынок! Или у вас со слухом плохо?

– Поесть я вам принесу, – Даша вышла, и приятели услышали, как щелкнул замок.

На дворе дождило. Ветер захлопал форточкой, капли шлепали по стеклу, залетали в комнату.

Корней вытер простыней лицо и шею, с отвращением отпихнул теплую и влажную от пота подушку, сел в изнеможе-

нии. Скоро светать начнет, а сна нет, и дождь облегчения не принес, парит.

Корней прошелся по комнате. Эх, выйти бы сейчас во двор, как есть, голышом, шлепая по лужам, пробежаться, остановиться под карнизом, почувствовать, как колотит вода по голове и плечам, стоять до мурашек, до озноба. Мало человеку надо. Что такое счастье? Это почесать там, где чешется, думал Корней, усаживаясь какой уже раз за ночь в ванну.

Все сбылось, всего он добился, Яков Шуршиков. Авторитет у него, деньги, женщины; покоя – нет. Не то что во двор выскочить – окно распахнуть страшно, видится, вот они стоят... покойники. Зарезанные, удушенные, сколько их, чужими руками убитых? Не перечеть.

С семнадцатого Корней пальцем никого не тронул, копейки не взял, ничего ему новая власть предъявить не может, а все одно – страшно.

Обирает он, Корней, людишек недогадливых. Так ведь это у земли края нет, а у всего остального он обязательно имеется. У жизни же человеческой край всего ближе, самое страшное, что не угадаешь, где он, думаешь – далеко, а оказывается, за углом, с ломиком, может, с ножичком.

Три срока имел Яков Шуршиков, дважды бежал, в семнадцатом освободили его по амнистии Временного правительства, и решил он завязать, уж больно ему на каторге не нравилось. Кочуя по пересылкам и лагерям, он познакомился с

жуликами разных мастей. Яков стал знаменит среди воров сразу же, больно прогремело его первое дело: два трупа и сто пятьдесят тысяч – с такой визиткой можно было жить в любой тюрьме. Правда, у Якова хватило ума помалкивать, что дело это у него было первое и убил он полицейских от глупости и неумелости, а совсем уж не от отчаянной смелости либо ненависти к властям. Не рассказывал он также, что и деньгами-то он попользоваться не успел, и сохранить не смог, все как есть отобрали. Прослыл он этим делом среди воров человеком серьезным, на расправу быстрым, с захороненной на воле копейкой. Авторитет свой Яков как мог поддерживал, умело распуская слухи о своей жестокости. Однако после первого дела запомнил он крепко: полицейских трогать нельзя, зато безбоязненно можно убивать своих «коллег» по профессии, так как некоторые чины сыскальной полиции такие дела даже поощряли. Был случай, когда полиция даже умышленно столкнула его с крупным вором-медвежатником по кличке Оракул, распустив через свою агентуру слух, что последний подозревает Корнея в сотрудничестве с полицией. Авторитет Якова пошатнулся, он пригласил соперника якобы для выяснения взаимоотношений и убил выстрелом в упор, когда тот перешагнул порог воровской малины.

В то время среди так называемых воров в законе чуть ли не каждый третий был осведомителем. Яков понял это и решил сам переквалифицироваться. С активной воровской деятельностью он завязал и стал теоретиком воровских зако-

нов. Он распространялся о воровском братстве, о товариществе и взаимовыручке, к нему приходили, как к третейскому судье, он решал споры, выносил приговоры, давал советы. Одной рукой Яков брал долю, другой сдавал неугодных криминальной полиции. Так Яков Шуршиков стал Азефом среди уголовников. Полицию такое положение, естественно, устраивало. Шуршикова опекали и по возможности берегли, но после ограбления ювелира Мухина, поставлявшего изделия императорскому двору, вынуждены были арестовать и судить. Яков же так вошел в роль отца российских воров, что произнес перед присяжными патетическую речь, в которой освобождал всех содельников от вины, брал все на себя. Речь его пересказывали в пересылках и на этапах, в тюрьмах Якова встречали с царскими почестями, даже жандармы, опасаясь мести уголовников, обращались к нему на «вы».

Временное правительство амнистировало Якова Шуршикова, приятели из уголовной полиции посоветовали ему пока в Москве и Питере не появляться и, рассчитывая в дальнейшем на его признательность, многотомное дело с перечнем его преступлений и предательств уничтожили. Так же уничтожили все его фотографии, пальцевые отпечатки, Яков Шуршиков исчез, существовать перестал.

Остался бесплотный миф, легенда – Корней. Уже считанные люди знали его в лицо, в места заключения он при Советской власти не попадал, фотографии его в уголовном розыске не было.

Для уголовной среды Корней был человек образованный, умный, да и вообще не без способностей. Новая милиция с уголовниками не заигрывала, суд присяжных отменили, воровская профессия стала очень опасной. Корней все это понял, выжидал, вскоре ему пришла идея организовать гостиницу для паханов – для воровской элиты. Нэп и Москва притягивали, взять куш и затеряться легче всего в Москве. Корней здесь, в тихом переулочке, и открыл гостиницу «Встреча». Идея, организация и деньги были его. Анна Францевна Шульц – лишь вывеска. Не встретить Корней Анну, нашел бы вывеску другую. Дело пошло сразу. Серьезный вор на малину не пойдет, для гостиницы нужны чистые документы, да и опасно на людях, мало ли кого встретишь. А у Корнея как у Христа за пазухой. Тихо, людей никого, вход один, выхода – два, можно и без документов. «Отец» опять же всегда советом поможет, с нужными людьми сведет. С милицией свои отношения Корней решил просто: приобрел, не торопясь, несколько паспортов на людей торговой профессии и сдавал их на прописку, якобы одни и те же люди приезжают и уезжают, торговлю ведут. А так как в гостинице за все время ни одного скандала не произошло, налоги платят аккуратно, то и в голову не придет сверять документы с жильцами.

Однако мало-помалу уголовный розыск работать научился, крупные дела удавались все реже, «Встреча» становилась нерентабельной, и Корней решил дать последнюю гастроль: взять банк, обрубить концы и уйти.

Около года он искал, где взять, и нашел. Отделение Госбанка было расположено в бывшем барском особняке, охранялось тщательно, но, укрепляя стены и двери, про потолок малоопытные товарищи забыли, с чердака войти было несложно. На сейф тоже удалось взглянуть – так, жестяная коробка, только большая. Неувязка вышла с инструментом. Своего уже давно у Корнея не было, взять у кого-либо из знакомых он опасался. Решил Корней инструмент изготовить; узнав, что брат Лехи-маленького – кузнец отменный, приказал явиться. И глупей глупого получилось: кузнец в тюрьму угодил и, не желая самого Корнея подводить, другому велел вместо себя явиться.

Когда Леха позвонил и сказал, что вместо его брата явились двое неизвестных, Корней решил их не принимать, однако тут же передумал. Новые люди всегда опасны, в уголовке старый сыщик Мелентьев, всем лисам лис, и доходит молва, что очень он Корнеевым интересуется, не забыл, значит. Бежали ребятишки из-под конвоя, приемчик далеко не свежий, известен и сыщикам, и деловым людям еще с прошлого века. Но не оттолкнул Корней беглецов, велел приводить, пропустив через лабиринт. Давно Корней проходные квартиры придумал, через них чужой никак пройти не мог, и в этот раз сработало безотказно, был за мальчиками хвост, да отпал. Значит, один из двоих из милиции, покойник он теперь, потому как засветил Корней гостиницу. Гореть этой берлоге рано, вот возьмет Корней куш, отрубит концы, тогда

полюхай голубым огнем. А с ребятишками разберется Корней, уже дал команду, утром Леха приведет человека верного, который повернет налицо любого, всех знает, золотой старичок.

Светать скоро начнет, а Корней не спит, душно ему, и дождь пролады не несет, шлепает по стеклу без толку.

Агент уголовного розыска Сурмин лежал тихо, стараясь дышать ровно, хотя сосед и похрапывал. Субинспектор Мелентьев, когда инструктировал, предупреждал: забудь, кто ты есть, ничего не изображай, не придумывай, не бери в голову, видят тебя, нет ли, все одно – ты беглый уголовник. И ни при каких обстоятельствах шкуру не снимай. Задачи две: найти Корнеева и определить, какой именно банк он готовит. Учти, если при отходе ты хоть краешком засветишься, значит, все провалил, Корней никогда на дело не пойдет, а против него для прокуратуры и суда на сегодняшний день ни капелюшечки не имеется. Сегодня Корнея в уголовный розыск можно только на чашку чая пригласить, за жизнь побеседовать. Корней молодых любит, их можно при дележе обойти либо убрать при надобности, за человека, воровскому миру неизвестного, ответа нет, а Корнею убить, что тебе в жару квасу выпить, – одно удовольствие, и опасности никакой. Он рук в крови мочить не станет, для того есть люди поглупей. Если Корней банк готовит, ему наверняка люди нужны, воров известных он брать не захочет, делиться с ними надо,

да и опасно: они у нас, у милиции, на виду могут оказаться. Так что, Сурмин, говорил субинспектор, если ты до Корнея доберешься, он к тебе интерес проявит, не сомневайся, но верить не будет никогда. У него закон один: пока человек в крови по самую маковку не испачкается, нет ему веры. Старайся не доверие завоевывать, а стать необходимым, у Корнея к людям мерка одна: нужные и не нужные. Пока ты ему нужен – в безопасности, как стал не нужен, цена твоей жизни – копейка.

Сурмин субинспектора слушал спокойно, страха не было, интерес только, да и, полагал, пугает Старик. Теперь, в первую же ночь, лежа без сна, Сурмин вспоминал испытующий взгляд субинспектора. Когда наручник уже запястье сжимал и Мелентьев дверь перед Сурминым открыл, схватил за плечи неожиданно и зашептал: «А, пошло все к чертовой матери, Сурмин! Нам больше других надо? Люди банки для того и придумали, чтобы преступники и мы с тобой без работы не сидели. Грабили, грабят и будут грабить... – Субинспектор достал ключ и начал снимать наручники. – Не обедняет Советская власть! А Корнея не мы поймаем, так свои зарежут в конце концов».

...Сурмин скинул простыню, потянулся сильным телом, закинул руки за голову, прислушался: к шуму дождя прибавился еще какой-то звук. Сурмин повернулся, увидел, что сосед не спит, наблюдает из-под полуопущенных век, и по-

нял: звук не появился, а пропал, сопеть новый приятель перестал. Не спится? Ну-ну, лежи, думай. Корнея все хотел увидеть? Судя по всему, сегодня встретишься.

Кабинет субинспектора освещала лишь настольная лампа, и лица сидевших у стола Воронцова и Мелентьева были землистого цвета. Окна они распахнули, дождь залетал в кабинет, на подоконниках поблескивали лужи, одна створка скрипела и хлопала, и субинспектор лениво подумал, что надо наконец починить крючок либо найти под сейфом детский кубик и створку подпереть, иначе от этого скрипа и хлопанья с ума сойдешь.

Воронцов полулежал в кожаном кресле и бездумно смотрел на собственные сапоги. От бесчисленного количества выкуренных папирос во рту у Воронцова было нехорошо, чай в стакане давно остыл, да и горячий он имел привкус ржавого железа.

Костя старался не двигаться и не думать о боли, которая затаилась в груди. Где у него находится сердце, Константин Воронцов узнал три года назад, когда оно, больно ударив под левый сосок, сбило его с ног. Считалось, что больное сердце – недуг чисто буржуазный, неприличный. Костя выслушал наставления врача, глядя в потолок, и забыл их, как только врач ушел. С тех пор Костю прихватывало дважды; сегодня утром, совсем уже ни с того ни с сего, – в третий раз. Он врача не вызывал, отлеживался на диване, весь день старался поменьше двигаться.

Пенсне субинспектора лежало на столе и поблескивало зелено, будто болотные лужицы. Мелентьев близоруко щурился, потирал ладонью небритую щеку, на начальника не смотрел, все уже было переговорено. Можно, конечно, еще сказать, мол, я же вас предупреждал – если Корнеев с Сурминым встретиться пожелает, то нашим сыщикам на хвосте не усидеть. Рецидивист не такое наблюдение видывал, гимназию давно кончил, фраеров ищите в другом месте. Можно напомнить, да зачем? Говорено было, и не раз, а у Кости память молодая.

Мелентьев, несмотря на духоту, был в суконном жилете, в рубашке с жестким воротничком и при галстуке. Субинспектор взял стакан, взглянул на бурую жидкость с отвращением и сказал:

– И что это за начальник, если он взятки не берет? Не могут люди вас, товарищ Воронцов, уважать, когда вы даже чаю нормального выпить возможности не имеете.

Оконная рама как-то особенно противно взвизгнула и хлопнула. Воронцов невнятно выругался, подошел к окну. Зная, что крючок давно сломан, Мелентьев улыбнулся.

– Кого ты поймать можешь, если у тебя ставень и тот не держится на месте? – Воронцов вытер мокрые ладони о штаны, неторопливо прошелся по кабинету.

Мелентьев в ответ на критику начальства погасил свою зеленую лампу, напоминая, что надвигается новый день.

Даша родилась на берегу Енисея, в верстах пятнадцати от Абакана. Июль в тот год стоял жаркий, каторжников, выживших после эпидемии дизентерии, доедал гнус. Женщина, которая родила Дашу, имела много имен и кличек, последний раз ее судили как Марию Латышеву, кличку она носила Магдалина. Она была красивой глупой бабой, в молодости любила выпить. К тридцати годам, когда красота прошла, а глупость осталась, женщина превратилась в законченную алкоголичку. Мария в своей беспутной жизни не совершила ни одного преступления, все ее беды происходили от мужиков, которых она любила. Последний, возможно, он и был отцом Даши, появился в жизни Марии в понедельник. Мужчина высокий, статный и кудрявый, он ее всю неделю кормил досыта, а в субботу пришел чуть живой – что за мужик, если он в субботу не напивается. Мария его раздела, спать уложила, вещички, как положено, выстирала. На следующий день его взяли и Марию прихватили, так как она, оказывается, стирая, «улики уничтожила». Присяжные сказали: «Виновна», а судья определил: «Десять лет каторжных работ». О том, что она будет матерью, женщина узнала на этапе.

В рождении ребенка Мария обвиняла конвойного. А чтобы он не сомневался в своем отцовстве, молодая мать швырялась в него ребенком: хочешь не хочешь – лови. В большинстве случаев он ловил, а когда не удавалось, поднимал пищащий сверток с земли.

Голод, дизентерия и гнус оказались бессильны – Даша

росла. В пять лет она стала сиротой, но не узнала об этом, так как мать свою от других людей не отличала. Когда на далекую каторгу пришла Советская власть, Даше исполнилось двенадцать, она умела читать, писать, курить, пить и в рукопашной не уступала взрослой женщине, а если нападала первой, то могла и мужика завалить.

В Москву пятнадцатилетняя Даша приехала с веселой компанией, которую в Ростове целый год почему-то называли бандой. Стоило Даше на мужчину посмотреть, как его тянуло на подвиги, перечень которых имеется в уголовном кодексе. Кличку она носила ласковую – Паненка, уголовный розыск уже располагал ее приметам. В двадцать втором году, составляя справку по группе, арестованной за разбойные нападения на Потылихе, субинспектор Мелентьев писал: «По непроверенным данным, в банде была девица по кличке Паненка, однако никто из фигурантов и потерпевших показаний на нее не дал. Приметы: на вид восемнадцать-девятнадцать лет (возможно, моложе), рост средний, волосы русые, стрижены коротко, глаза светлые, к вискам приподнятые, нос прямой, губы полные, лицо овальной правильной формы. При знакомстве девица представляется студенткой, одевается чисто. Особые приметы: картавит. Предупреждения: при задержании может оказать серьезное сопротивление, не исключено наличие огнестрельного оружия».

Жизнь предлагала Даше выбор богатый: если уголовный розыск не доберется, то из ревности кто-нибудь из фартовых

ребятишек зарежет. И не было бы счастья, да несчастье помогло. Дашу увидел Корней. Редко он выбирался, тут, видно, черт расшалился, толкнул легонечко, и заглянул Корней как-то днем в ресторан «Эльдорадо», что на Тверском бульваре. Сидел он скромно, кушал обед из трех блюд за один рубль тридцать копеек, вроде все внимание в тарелку, но по привычке, хотя опасаться нечего – нет за ним ни капелюшечки, ни крошечки, – вновь пришедших оглядывал внимательно... Корней уже кофий заканчивал, когда увидел Леву Натансона, известного среди деловых людей под кличкой Алмаз. Кличка была дана за то, что до семнадцатого года Лева торговал копиями да приисками, потом опустился, стал продавать камни в розницу. Натансон, как ему по профессии и полагается, одет был «я проездом из Парижа» – и запонки, и булавка в галстук настоящие. Должен же клиент после сделки слевой за свои кровные хоть что-нибудь стоящее вспомнить.

Алмаз шел пританцовывая, узнав Корнея, лицом опал, стал лаковые штилеты по ковровой дорожке приволакивать.

– Папашка, что с тобой? – весело спросила Даша, шедшая с ним под руку, и рассмеялась. Из-за этой рассыпавшейся пригоршни серебра все и произошло. Не бросила бы Даша свой смех ресторанному залу под ноги, и Корней бы взгляда не поднял, не увидел бы.

Лева приблизился к столику Корнея медленно, смотреть

не смел – сочтет нужным, сам поздоровается. Корней не сводил тяжелого взгляда с Даши, кивнул, и Лева сломался в поклоне. Даша удивленно подняла брови, оглядела незнакомца и вновь рассмеялась.

– Подойди, любезный, – поднося к губам чашку кофе, сказал Корней. – Позже. Один. – Он произнес все слова отдельно, негромко, но очень четко.

– Непременно, – выдавил Лева и, не зная, как Корнея назвать, зашевелил губами беззвучно.

– Что за чучело гороховое? – спросила умышленно громко Даша, усаживаясь за столик у зеркала. По лицу старого афериста она поняла, что человек в скромном коверкотовом костюме отнюдь не «чучело», но, злясь и на Леву за его подбострастность, и на себя за неожиданно испортившееся настроение, уже искусственно рассмеялась.

Официант застыл, рука будто гипсовая – на отлете. Лева, не заглядывая в меню с золотым обрезом, сделал заказ скромный: не любит Корней людей, живущих широко. Когда человек убежал, Даша стрельнула взглядом в сторону Корнея. Лева опомнился, зашептал:

– Умри, Дарья. Он моргнет только, нас обоих здесь, за этим столиком, удавят.

– Не бери на характер, – Даша улыбнулась презрительно, однако говорила шепотом. Лева промокнул лоб салфеткой, хотел подняться, но остался на месте, и она спросила: – Корень? Неужто?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.